

В технике Травеса - “Меч легкого бриза” существовало семь стоек. Первая из них “Крепчающий ветер”, потребовала от Хаджара всех знаний о мече и всех умений, которые он нажил за годы жизни. Можно сказать, она была их квинтэссенцией и потребовала лишь сконцентрировать и так имевшиеся в наличии навыки.

Вторая же... она была настолько мистична, призрачна и непостоянна, что Хаджар даже основ её понять не смог. И все же, он успел за ночь довести первую из стоек до состояния, когда мог дважды её использовать.

На большее у него не хватало ни сил, ни энергии. Несмотря на то, что та возросла и качественно изменилась, её все еще было катастрофически мало.

И после того, как Хаджар взмахнул клинком, то в сторону Колина устремился вихрь. Но если бы у простого мечника, которому бы посчастливилось узнать технику Травеса, вихрь так бы и остался бы бритвено острым ветром, то...

Адьютанту пришлось защищать не только от ветра, способного рассеять камень, но и от призрачных клинков в нем спрятанных.

Зрители же видели нечто невероятное - практикующий стадии Формирования смог отбросить и заставить защищать того, кто стоял на целую стадию выше. Будто перед ними был вовсе не офицер, а герой из старых легенд.

Колин, отброшенный на пять шагов назад, все же смог развеять вражескую технику. Его лицо, покрытое кровоточащими порезами, руки, заливаемые алым, все его я - было ранено и уязвлено.

Он что-то закричал, но Хаджар не слушал.

Он вновь сократил расстояние, входя в партер. Так он мог избежать зеленого жала. Хаджар не был уверен, что сможет его отразить во второй раз, а значит бой следовало заканчивать. К тому же, энергии в нем оставалось все на минуту, если не меньше.

А вот Колин наверняка мог продолжать в несколько раз дольше.

Хаджар ударил по запястью Колина. Тот поставил блок и со звоном отбросил клинок противника в сторону. Используя полученную от удара инерцию, Хаджар юлой развернулся на пятках и, приседая, подсек ноги врага.

Тот подпрыгнул в воздух и оттуда “выстрелил скорпионьим жалом”, которое тут же оказалось рассеченное призрачным ударом, ставшим чуть более отчетливым, чуть прежде.

Их бой напоминал шахматную партию.

На каждый удар находился контрудар. На каждую меру — контрмера.

Сверкали искры и десятки раз за считанные мгновения лезвия клинков встречали друг друга. Тела сражающихся покрывались ранами и брызги крови рубинами взлетали к небу.

Порой, от самых сильных столкновений, в стороны разлетались “осколки” их техник и ударов

меча. Они рассекали штандарты и били о щиты воинов.

Хаджар целился в горло, а в следующее мгновение уже уходил от выпада в живот.

Колин пытался зацепить плечо, но был вынужден спастись от рубящего удара в лицо.

Они фехтовали на скорости бросившегося за гадюкой мангуста. Их клинки порхали изящно, но стремительно. Их тела плавные, но быстрые.

Многие из рядовых солдат не рисковали даже моргнуть, чтобы не пропустить не мгновения из схватки. Благодаря ей, они могли научиться чему-то новому. Получить вдохновение и даже пройти на следующую ступень в своей стадии.

И все же, Колин чуть теснила Хаджара. С каждым их новым столкновением, с каждой новой искрой или каплей крови - Хаджар двигался к щитам солдат.

Это подгоняло азарт адъютанта. Разжигало в нем огонь самоуверенности. Он уже давно забыл, что сражается со "смердом, стадии Формирования". Нет, перед ним стоял противник, которого он должен был одолеть. Чтобы стать сильнее, чтобы выжить.

И с каждым новым ударом, в который он вкладывал чуть больше силы. С каждым новым ощущением того, что враг слабеет. С каждым новым чуть более широким движением, он все крепче и плотнее увязал в сетях Хаджара.

И когда Колин, наконец, допустил ошибку, Хаджар вновь принял низкую стойку.

Его ладонь лежала над клинком, а ноги были чуть согнуты в коленях. Он напоминал собой планирующую на нисходящем потоке ветра птицу.

- Крепчающий ветер!

И Колина, который собирался нанести выпад, настиг вихрь из мечей. Он поднял его, находящегося в воздухе и неспособного защититься, закрутил и бросил на землю.

Окровавленного, израненного, внезапно попавшего в ситуацию намного худшую, нежели его противник. Хаджар тяжело дышал, он вытирал кровь и пот с лица, припадал на обожженную ногу.

На Колине же места живого не было видно. На этот раз удар Хаджара его сильно потрепал.

- Поганый смерд, - шептал Колин, внезапно "заново" увидевший противника. - Мерзость. Ублюдок. Сын рабов. Да как ты смеешь. Как смеешь ты даже дышать в моем присутствии!

- Молодой господин, - раздался шепот старика-слуги. - Что вы делаете, молодой господин?

Колин же достал что-то из кармана. Что-то красное, светящееся, размером с орех.

- Остановитесь, адъютант! - внезапно выкрикнула Генерал, но было поздно.

Колин завопил не своим голосом. Его тело забилося в агонии, а он все кричал, пока его вены краснели. Он словно увеличивался в размерах. Его латы скрипели под набухающими мышцами. Рукоять меча трескалась, под черными когтями, вырвавшимися из обычных ногтей.

- Нет, молодой господин, - приложил ко рту руки старик.

- Копье! - генерал протянула руку, но...

Колин, обратившийся в краснокожую нечеловеческую тварь, не то что прыгнул, не размазался тенью и не сверкнул молнией. Раздался хлопок и на том месте, где он стоял образовалась небольшая впадина, а сам он, рыча и скаля самую настоящую пасть, бил снизу-вверх по Хадажру.

Этот удар, казалось, мог бы рассечь крепостную стену, не то что старые одежды и плоть.

Хаджар на пределе возможностей успел подставить клинок и почувствовал, как по нему ударило тараном. Вбивая весь воздух из легких, его пустым мешком подкинуло на десяток метров в воздух.

Затем новый хлопок и вот красная тварь, недавно бывшая Колином, уже оказывается рядом с ним.

Сложно было сказать - падали они или летели. Единственное, что отчетливо было видно, это как опускается клинок, сжатый когтистой лапой.

Хаджар бы не успел. Ни за что бы не успел поставить блок. Да он и не видел удара твари.

Все что мог Хаджар, это смотреть на летевшего в неба воробья. Маленького, беззащитного, но такого гордого и стремительного. Каждым взмахом крыльев, он насмехался над землей. Каждым пируэтом - завоевывал себе новый кусочек неба.

- "Все в этом мире сражаются, мой принц." - прозвучал голос наставника в его голове. - "Рыбак борется с рыбой и океаном, кузнец с огнем и железом, крестьянин с погодой и землей, но лишь адепты сражаются с собственной судьбой."

И внезапно время замедлилось. Хаджар вдруг понял то, что ускользало от него все это время.

Ведь когда он сражался с противником, то забывал о главном. Его ноги все так же ступали по земле, борясь с её силой. Его клинок разрезал воздух, стремясь пронзить его сопротивление. Сталь в его руках нагревалась с каждым ударом. Его кровь окропляла траву...

Он, сражаясь с противником, почему-то забывал о окружающем мире. С ним он тоже боролся. С самого рождения. С самого первого вдоха. С криком, младенец бросался в затаженной прыжок навстречу могиле. Прыжок, наполненный бесконечной борьбой.

Но, зачем? Зачем его мечу бороться с целым светом, когда у него есть всего один враг? Почему он не может направить мир себе на пользу? Что ему мешает.

И ответом ему был маленький воробей, пронзающий собой неприступное небо.

Ничего.

Генерал, все же схватившая копьё, так и не ринулась в грандиозном прыжке.

Да и все солдаты, смотревшие вверх, где продолжалась схватка, не могли поверить своим глазам.

Меч твари опускался на голову Хаджара, а тот... словно немного изменился. Его клинок будто слился с ветром, и легко отбил удар. Хотя, отбил - не то слово. Он отшвырнул тварь в сторону так же легко, как лев пинает лапой непослушного котенка.

Тварь с грохотом упала с неба на землю, а когда она выбралась из образовавшегося оврага, то увидела перед собой выпрямившегося Хаджара.

Тот будто сливался с окружающим миром. Он больше не боролся с ним, он был с ним...

- Единый с миром, - шептались окружающие.

- Он стал единым с миром во время боя.

- Гений?

- Нет.

- Чудовище.

И они были... не правы. Нет, Хаджар все еще не достиг уровня "единого с миром", но был близок. Так близок, как еще никогда прежде. Но даже такого прогресса хватило, чтобы его удар, раньше достигавший лишь пяти шагов, теперь мог дотянуться до семнадцати.

Сам же серп, сорвавшийся с его клинка, больше не был призрачным или мерцающим. Нет, это был прозрачный, но отчетливо видимый простому смертному удар меча.

Он, величиной в три метра и шириной в десяток сантиметров, ударил о подставленный клинок и легко его расколол.

Взвыла тварь, когда толстую красную корку, заменявшую ей кожу, раскалывал и терзал удар Хаджара.

Потом вспышка синего света и вот на земле лежит бледный, исхудавший и даже постаревший Колин. Он скорчился на земле и что-то бубнил. Жалкий и несчастный, он мог лишь повторять:

- Пощади, пощади.

Хаджар же, с неумолимостью прислужника бога смерти, ковылял в его сторону. Он тяжело опирался на меч, кровь застилал ему взгляд, но он шел вперед. Шел к своей цели. Шел к покою Эйне.

Он все же добрался до адъютанта. Встал над ним и занес меч над головой.

- Остановись! - прогремел голос.

Едва ли не вся армия обернулась на громopodobный клич. На холме, в алых, словно кровавых латах, стоял мужчина. Высокого роста, с лицом иссеченным шрамами и нечеловечески жестоким и свирепым взглядом.

- Господин, - рухнул на колени старик-слуга.

- Ты хоть знаешь на кого поднял руку, смерд?! - гремел генерал Лаврийский. - Это мой сын! Остановись, или тебя постигнет судьба, которой тысячу лет будут пугать детей!

- Знаю ли я на кого поднял руку? - произнесли разбитые губы Хаджара. - На труса. Насильника. Убийцу.

Со свистом меч рассек воздух.

Покатилась в сторону голова, изо рта которой так и не прозвучало последнего:

- "Пощади."

Генерал на холме зарычал раненым зверем и взял в руки свой боевой молот.

Дальнейшего Хаджар уже не видел. Он падал на землю, засыпая так же блаженно и спокойно, как и в те годы во дворце.

Его сердце, наконец, сбросило немного веса. Он добился справедливости хотя бы для кого-то.

Теперь Эйне могла спать спокойно...

<http://tl.rulate.ru/book/6918/137883>